

**ПСИХОСЕМАНТИКА ЛИЧНОСТНЫХ ЧЕРТ:
НОРМАТИВНЫЙ И СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ПОДХОДЫ**

.....

А.А. Лузаков¹

Одна из современных тенденций в психологии личности – усиление внимания к субъективной картине мира. Акцент на прояснении собственной системы координат, в которых субъект воспринимает, интерпретирует, оценивает людей, явления, ситуации, на наш взгляд, является одним из ключевых признаков развивающейся субъектной методологии в изучении личности и одновременно своеобразным мостом, соединяющим когнитивно-ориентированный и экзистенциально-гуманистический подходы. Ведь в доминирующих у субъекта основаниях различения объектов и ситуаций в той или иной мере отражена мотивация, в том числе устойчивая, связанная с ценностно-смысловым ядром личности [7; 10]. С определенным видением мира связаны намерения и действия, осуществляемые личностью в мире, поэтому реконструкция системы координат индивидуального и группового субъекта может использоваться с целью объяснения и прогнозирования поведения.

Моментом, в котором «встречаются» и взаимодействуют ценностно-мотивационные и когнитивные процессы, является категоризация. Все, что воспринимается личностью, обретает смысл в зависимости от того, с каким классом понятий или образов она это объединяет. Категории далее трактуются как основания различения субъектом объектов и объединения их в классы. С категоризацией связано предвосхищение результата познания, а значит, и его возможные искажения. Д. Брунер подчеркивал: объединение объектов в категории носит произвольный характер в том смысле, что категории не predeterminedены ни устройством мира, ни устройством познавательного аппарата, их существование и изменение зависят только от культурно-психологических и языковых факторов [1]. Добавим: категории формируются в субъективном опыте лич-

---

¹ Лузаков Андрей Анатольевич – доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой управления персоналом и организационной психологии КубГУ. Эл. почта: luan@manag.kubsu.ru

ности, включая его неосознаваемые, довербальные аспекты. Категоризация, понимаемая таким образом, не сводится к процессу подведения под понятие, к общепонятному «означиванию» некоторого содержания, которыми занимается лингвистическая семантика и отчасти социальная психология при исследовании социальной категоризации [15; 19]. Требовался иной подход, отличный и от логико-лингвистических поисков, и от традиционных исследований стереотипов. Также была очевидна необходимость преодоления некоторых ограничений теории и методов изучения личностных конструктов, предложенных в середине XX в. [7].

Экспериментальная психосемантика (термин введен В.Ф. Петренко и А.Г. Шмелевым в начале 1980-х гг. [9; 12]) относится к конструктивистской парадигме в психологии и является творческим развитием идей Дж. Келли о личностных конструктах [18] и Ч. Осгуда о семантических пространствах [20]. В ранних определениях психосемантика позиционировалась как «область психологической науки, изучающая структуру, генезис и функционирование системы значений, образующей в единстве с чувственной тканью и личностным смыслом индивидуальное сознание субъекта» [10, с. 12]. Согласно более позднему определению, психосемантика – это «область общей психологии, исследующая субъективные системы значений, категориальное строение сознания и личностного опыта человека» [13, с. 374–375].

Психосемантические методы сегодня, по-видимому, наиболее адекватны задачам, обозначенным в начале статьи. К классическим методам экспериментальной психосемантики относят метод семантического дифференциала, репертуарные тесты личностных конструктов, метод классификации, метод субъективного шкалирования (попарное сопоставление ряда объектов), ассоциативный эксперимент, метод семантического радикала А.Р. Лурия и О.С. Виноградовой и др. За четверть века появилось множество вариантов и модификаций этих методов, но все их объединяет следующее. В центре внимания – не процесс отнесения субъектом познаваемого объекта к определенной, заранее известной категории-стереотипу, а обнаружение и описание самих мерок, прикладываемых субъектом к окружающим людям, объектам, ситуациям. Эти мерки восприятия часто не обозначены в ясных терминах самими их носителями, но фактически выступают для них основаниями субъективной классификации. Подчеркивается принцип контекста. Любой одиночный конструкт должен интерпретироваться только в контексте других конструктов, представленных в картине мира личности. Личностные смыслы отражаются только в переживаемых субъективных связях объектов между собой, поэтому необходима реконструкция интегральных, сложносоставных конструктов-категорий.

Содержательно трактовка устойчивого личностного смысла близка к психосемантической трактовке личностной черты. Она трактуется как субъек-

тивная категориальная единица опыта, обобщающая для субъекта признаки определенного класса ситуаций и предписаний по поведению в этих ситуациях; это личностный конструкт, позволяющий ускоренно выбирать стратегию поведения в текущей ситуации и одновременно выполняющий задачу поддержания целостности Я [13].

Сфера использования психосемантических методов обширна. Это общая психология и психология личности, возрастная, социальная психология, в том числе психология общения, политическая психология, психология рекламы, СМИ и др. [3; 4; 8; 11; 14]. Со временем общность методологических оснований стала размываться, наметились направления, различающиеся не только областью применения, но и базовыми посылками, целями и эталонами профессионализма.

Цель данной статьи – рефлексия наметившихся противоречий между нормативным и сравнительным подходами в психосемантике (термины предложены нами). Такая рефлексия представляется необходимой для дальнейшего развития теории психосемантических исследований личности, в частности, для обозначения сфер и задач, в которых каждый из подходов оптимален, что в свою очередь является условием взаимообогащения и успешного продвижения в каждом из них. Мы будем опираться преимущественно на материал, касающийся исследования субъективных категорий познания человека человеком, как наиболее развитую область приложения психосемантических идей и методов.

Применительно к межличностному познанию психологи, использующие психосемантический подход, оперируют представлением об общих и частных семантических пространствах. Первые – это конвенциональные модели, отражающие наиболее общие закономерности познания человека человеком. Они задают определенное количество факторов-категорий (два, три, пять) и их содержание. Частные семантические пространства – это многочисленные варианты пространств, отличающиеся от общих. Их особенности определяются спецификой выборки респондентов, исследуемым фрагментом их картины мира (близкие и друзья, этнические стереотипы-типажи, политические деятели и пр.), набором используемых дескрипторов. По своим функциям они близки к тому, что ранее исследовалось как имплицитные теории личности [21]. В качестве общих пространств чаще всего принимаются следующие.

1. Трехфакторная модель Ч. Осгуда: Оценка – Сила – Активность [20]. Она была построена на материале оценивания людьми самых разных объектов реальности, а не только других людей, поэтому называется универсальным семантическим пространством. На ее основе созданы трехфакторные семантические дифференциалы, в том числе личностные для оценивания людьми друг друга и самих себя [6; 8; 9; 13].

2. Двухфакторная модель: Моральная оценка и Динамизм (Сила, Активность, Адаптивность). При факторизации и кластерном анализе личностных прилагательных и поведенческих описаний осгудовские факторы Сила и Активность нередко образуют один общий фактор, отражающий интегральное впечатление об активности, деловитости, общей жизненной силе и адаптивности познаваемых людей [7; 12; 13].

3. «Большая пятерка» черт (B5): Доброжелательность, Экстраверсия, Нейротизм (эмоциональная стабильность/нестабильность), Сознательность (добросовестность), Интеллектуальная открытость (открытость новому опыту) [13; 17]. Имеется лингвистический вариант B5, полученный в результате классификации личностной лексики, прилагательных (отечественная версия разработана А.Г. Шмелевым), а также вариант, полученный на основе данных опросников (NEO-PI-R) [5; 12; 13; 17]. Порядок факторов, их иерархия в этих вариантах отличаются, как и отличаются американская и российская лингвистические версии B5.

Интересная проблема связана с тем, что при реконструкции личностных семантических пространств даже на больших выборках испытуемых получаемая структура категорий иногда ближе к универсальному семантическому пространству Ч. Осгуда (Оценка, Сила, Активность), а иногда к модели «Большая пятерка», не говоря уже о многообразии структур факторов-категорий, полученных на малых выборках, различных по полу, возрасту, образованию, интересам и ценностным ориентациям.

Универсальных рецептов того, как гармонично интегрировать принципы анализа всеобщего и особенного, пока не существует. Поэтому у психологов, видимо, неизбежно будет проявляться тяготение к одному из полюсов, хотя бы потому, что именно полюса представляют собой уже освоенную территорию (номотетический и идеографический подходы в психологии личности). В психосемантическом подходе к личности, субъектном по своей сути, фактически уже наметились две линии. Одна из них ориентирована на универсальные модели, другая – на группоспецифические модели. Во втором случае фокус интереса смещается от общих семантических пространств типа «Оценка–Сила–Активность» или «Большой пятерки» к частным пространствам, характеризующим конкретные группы и отдельных субъектов. Это направление можно назвать сравнительной психосемантикой [7].

Но сначала обратимся к особенностям нормативного подхода. В последние десятилетия исследователи, занимающиеся классификацией лексикона личностных черт (названий черт в естественном языке), проделали большую работу по выявлению эмпирически обоснованных списков основных черт личности с опорой на то, как они структурируются в общественном сознании. Результатом такой работы явилась, в частности, «Большая пятерка» личностных факторов (ее так называемая лингвистическая версия [5; 17]). По мнению

А.Г. Шмелева, выявленные классы черт представляют собой «хорошо систематизированную культурную норму личностного знания» [13, с. 112] и потому могут служить точкой отсчета для стандартизированных интерпретаций многообразных вариантов личностных семантических пространств. Но выявленный на больших выборках стандарт общественного сознания затрагивает по определению лишь уровень *всеобщего*, поскольку исследователи были сосредоточены на выявлении наиболее общих, поднимающихся над групповой спецификой способов структурирования лексики. Обнаружены категории различения и соотнесения людей как *объектов* познания, характерные для *усредненного субъекта*, при том условии, что такой субъект использует для категоризации именно *названия личностных черт*. Поэтому они часто оказываются нерелевантными по отношению к реально работающим познавательным категориям, специфическим для конкретных групп людей, а тем более для отдельных субъектов. Абсолютизация нормативного подхода к категоризации личностных черт напоминает трактовку личности испытуемого как объекта в пространстве тестовых показателей, которая в наши дни часто критикуется сторонниками субъектных подходов.

Конечно, сказанное совсем не означает, что таксономические исследования на уровне всеобщего малополезны как таковые, просто они имеют свои приоритеты и ограничения. О приоритетах свидетельствуют, например, суждения А.Г. Шмелева о статусе «Большой пятерки» личностных факторов, которые содержатся в фундаментальной монографии «Психодиагностика личностных черт» [13]. Утверждается, что имеющаяся в литературе критика этой концепции, касающаяся неустойчивости и вариативности пяти факторов, непринципиальна. В основе такой критики, как известно, лежит тот факт, что эмпирически факторов часто получается не пять, а направленность осей главных факторов не совпадает с «Большой пятеркой», т.е. психологическое содержание факторов оказывается как бы смешанным, состоящим из отдельных «частей» Дружелюбия и Сознательности, или Экстраверсии и Эмоциональной стабильности. Но ученый полагает, что это несущественно: неважно, сколько получается факторов и какие они (выбор того или иного варианта поворота семантических осей при факторизации якобы не принципиален), важно, *насколько полным является исходный набор личностной лексики* или пунктов-вопросов, насколько он захватывает, отражает *все возможные человеческие черты*. Если принять постулат о существовании такого максимально полного, универсального семантического пространства личностных черт, то исходные дескрипторы в идеале должны равномерно «покрывать» его (лингвистический детерминизм). Если это соблюдается, то полученный многомерный базис будет обладать прогностической эффективностью, а факторное пространство будет иметь достаточную информационную емкость. Тогда возможны разные преобразования *внутри* него, а также получение тех или иных факторов без потери психологического содержания, т.е. особенностей личности испытуемых.

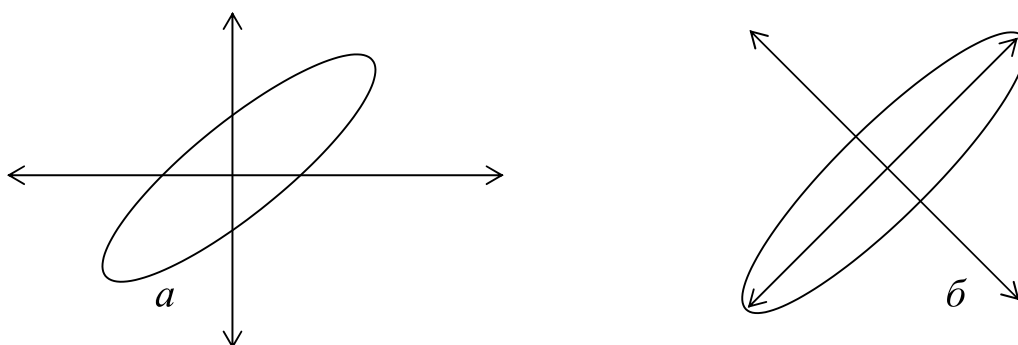
Тем самым постулируется, что пространство первично, а факторы вторичны. А.Г. Шмелев приводит образный пример – аналогию с площадью круглого зала: площадь зала не изменится от того, проведем ли мы ось диаметра в нем с севера на юг или с запада на восток. Координаты любой точки в этом зале можно с одинаковой степенью точности выразить как через систему двух ортогональных осей «запад/восток – север/юг», так и через эквивалентную ей, отличающуюся только поворотом на 45 градусов систему осей «северо-запад/юго-восток и северо-восток/юго-запад». Вторая система координат просто менее удобна, потому что приходится использовать менее компактные, составные названия осей. «Именно в стремлении найти систему взаимно-независимых, информативных и односложно названных факторов (осей описательного пространства) и состоит цель любого таксономического проекта» [13, с. 106].

С позиций иного, сравнительного подхода в психосемантике необходимо учитывать следующее. В ситуациях реального межличностного познания субъект почти никогда не оперирует «многомерным базисом признаков большой информационной емкости». У него есть более или менее ограниченный (неправильный с научной точки зрения) набор конструкторов, который он готов использовать для описания и оценки *для себя* ситуации и образа другого человека в ней. Ограничения накладываются образованием, активным тезаурусом, культурными стереотипами, дефицитом времени, предложенным психологом набором дескрипторов (в ситуации участия в исследовании) и т.п. Да и сами наборы дескрипторов в психосемантических методиках редко достаточно полно и равномерно охватывают нормативное пространство черт, например, «Большую пятерку» (в целях экономии сил испытуемых и предотвращения тактики ухода и случайных ответов с их стороны). Перед исследователем стоит задача понять, как при имеющемся *ограниченном наборе средств* субъект или группа все-таки структурирует воспринимаемое, и сравнить результаты разных людей/групп друг с другом. Возможность сопоставить результат с некой нормативной моделью теоретически желательна, но проблематична, поскольку нормативная модель была построена на иных основаниях и при других условиях. В частности, ее создатели, в отличие от субъекта, оперировали именно «многомерным базисом признаков большой информационной емкости» и руководствовались стремлением «найти систему взаимно-независимых, информативных и односложно названных факторов» [13, с. 106].

Развивая приведенный пример, заметим, что, с точки зрения субъекта, совсем не безразлично, как измерить площадь зала, учитывая, что зал скорее всего не пуст и в каждом случае субъект наткнется на что-то иное. Древняя притча о слоне и трех слепцах иллюстрирует это. Один уперся слону в бок и подумал, что перед ним стена, другой схватил хобот и решил, что это змея, третий уцепился за хвост и подумал, что это веревка. Фрагментарность обыденного познания ставит его в заведомо несравнимые условия с познанием науч-

ным, которое, хочется верить, быстро и правильно категоризовало бы объект именно как слона. Продолжая аналогию с залом, заметим, что для субъекта межличностного познания ни площадь зала, ни метрический объем слона, как правило, не важны. Ищутся ответы на иные вопросы: насколько зал красив, комфортен, безопасен, как много людей здесь собралось, как из него легче выйти в случае необходимости и т.п. Даже если учитывается величина зала, то она оценивается в субъективных дескрипторах, связанных с отношением и/или с возможными действиями субъекта в ситуации (если предложены готовые дескрипторы, они структурируются субъектом так, чтобы отразить это субъективное измерение). Например, женщина может быть озабочена тем, насколько быстро без ущерба для красоты походки она сможет пересечь зал, если важная персона, к которой нужно подойти, находится на противоположном его конце. Совсем иные основания категоризации площадь зала порождает у руководителя службы безопасности, которому надо правильно расставить в зале своих сотрудников.

Вернемся к дискуссионному утверждению, что вопрос о направлении осей эмпирически получаемых факторов семантического пространства не принципиален при условии, что базис дескрипторов достаточно полно представляет само пространство (в данном случае «Большую пятерку»). А.Г. Шмелев пишет: «Смысл самого пространства вовсе не изменится от того, что в какой-то момент какая-то группа людей будет настаивать на том, что их собственное личностное семантическое пространство вдруг вытянулось в большей степени вдоль биссектрисы какого-то квадранта, и таким образом у них вдруг “заработал” смешанный фактор, например, “Экстраверсия плюс Стабильность против Интроверсия плюс Нейротизм” (т.е. сангвиничность–меланхоличность, если следовать модели Айзенка – Гиппократы)» [13, с. 113]. Наверное, можно согласиться, что смысл пространства, понимаемого как стандарт общественного сознания, не изменится. Но что до этого стандарта указанной группе людей, которая по каким-то причинам действительно привыкла различать окружающих по *такой* оси? И что до этого психологу, который хочет понять, как воспринимают мир именно эти люди, чтобы предсказать их реакции на определенные объекты или помочь им справиться с проблемами в отношениях? На рисунке представлена ситуация, когда в пространстве неких нормативно заданных осей группа обследуемых лиц демонстрирует устойчивую тенденцию категоризовать объекты вдоль некой оси по диагонали, и именно эти части пространства оказываются для нее самыми «населенными» (эллипс на рисунке, а). Обнаружение в эмпирически полученном семантическом пространстве смешанного фактора-категории, например, «интроверсия + нейротизм», мы склонны трактовать не просто как отклонение от нормативных категориальных осей, а как основание, чтобы строить новое семантическое пространство с категориальными осями «как есть». На рисунке (б) вдоль эллипса проведена новая категориальная ось, которая лучше и точнее описывает субъективную

Переход от нормативных категориальных осей к семантическому пространству с новыми (полученными эмпирически) категориальными осями

систему координат данной группы обследуемых, хотя это и создает дополнительные трудности с выбором названия для найденной категориальной оси.

Поясним это на примере из нашей практики. Пусть в эмпирически полученной комплексной категории оказались взаимосвязаны следующие личностные прилагательные (они получили максимальную нагрузку по первому биполярному фактору семантического пространства). На одном полюсе – честный, прямой, порядочный, добрый, ответственный; на противоположном полюсе – лживый, изворотливый, непорядочный, злой, безответственный. Этот фактор может без оговорок интерпретироваться как «Моральная оценка» в рамках уже описанного двухфакторного семантического пространства, включающего помимо Моральной оценки, еще и Динамизм (Силу, Активность, Адаптивность). Это предположение будет тем более обоснованно, если прилагательные, описывающие Адаптивность (например, активность, предприимчивость, материальный достаток) окажутся также эмпирически связанными друг с другом, при этом корреляция между первым и вторым фактором будет незначимая. Но такой хрестоматийный вариант получается не всегда. В другом исследовании и на другой выборке мы получаем первый биполярный фактор с несколько иным содержанием. На одном полюсе с дескрипторами «честный, прямой, порядочный, добрый, ответственный» теперь оказываются связаны «богатый» и «предприимчивый», а на противоположном полюсе «лживый, изворотливый, непорядочный, безответственный» коррелируют с «бедный» и «безынициативный». Фактически возникла новая ось категоризации, в которой теоретически независимые Оценка и Адаптивность уже не независимы. Но, даже выбрав название этой вновь обнаруженной категориальной оси (например, Позитивная моральная оценка плюс Предприимчивость), преждевременно полагать, что получена просто некая экзотическая версия нормативного семантического пространства. Третья выборка дает нам еще одну картину. Позитивная моральная оценка (честный, прямой, порядочный, добрый, от-

ветственный) теперь оказывается связанной с пассивностью, безынициативностью и бедностью, а негативная моральная оценка (лживый, изворотливый, непорядочный) – с предприимчивостью и богатством. Эти способы категоризации напоминают печально известный в недалеком прошлом классовый подход, но с двух противоположных позиций. Может ли в этом случае быть достаточной некоторая нормативная модель, в которой Оценка и Адаптивность (Динамизм) соотносятся друг с другом вполне определенным образом и не учитывается возможность «перевертышей»?

А.Г. Шмелев, ссылаясь на П. Боркенау, считает, что таксономия черт в идеале должна представлять собой круговую, или циркуляторную, модель (ее прототипы – известные круговые модели Г. Айзенка [16] или Т. Лири), в которой одно и то же пространство можно будет представить с разным поворотом, размещением базисных осей. Зададимся вопросом: на чем основано утверждение, что это будет *одно и то же* пространство? У сторонников нормативного подхода аргумент следующий: в хорошей циркуляторной модели имеются *установленные соотношения между его соседними секторами*, между близкими чертами (точнее, их названиями), плавно перетекающими одна в другую. Но почему не учитывается возможность изменения этого нормативного соотношения секторов в реальном семантическом поле индивидуального или группового субъекта? Варианты такого изменения были только что представлены нами в примере с разными вариантами соотношения осей Оценки и Динамизма.

По сути, циркуляторная модель – это упорядоченные относительно друг друга *названия черт* личности, как они понимаются сегодня усредненным субъектом межличностного познания, а точнее, психологами, изучающими такого «среднего человека». Здесь недооценивается принцип контекста, согласно которому смысл каждого используемого личностью конструкта (например, названия личностной черты) следует интерпретировать только в контексте других конструктов, которые ассоциируются с первым в сознании данного субъекта или группы. Каждый одиночный конструкт-дескриптор как бы погружен в комплексную семантическую категорию и вне её психологически непонятен. Имеет значение и фактор времени. Лингвистам, историкам и психологам известно: значения слов в общественном сознании могут со временем меняться.

Мы также разделяем гипотезу о том, что в разные периоды и в разных сферах общественной жизни доминируют определенные типы личности [2] со свойственными им, как мы полагаем, стратегиями категоризации. Они задают свою специфику семантических пространств, имея высокую дифференцированность в одних частях условного круга и некоторую «близорукость» – в других. Их категории, взятые все вместе, при усреднении, возможно, дают круг (он также может символизировать идею взаимодополнения разных систем категоризации). Но фактически в конкретной группе всегда доминирует несколько *определенных осей* различия. Тогда нормативный круг как эталон для описа-

ния разнообразных трансформаций личностных пространств в значительной мере теряет объяснительный потенциал. Каждый психотип может не просто превратить какой-то из его диаметров в базисную ось различения людей, но и причудливо изогнуть саму ось. Второй полюс конструкта-категории (если полюс вообще актуален) при этом оказывается расположенным не на противоположном конце отрезка, т.е. не под углом 180 градусов к первому полюсу, а под углом 120 или 230 градусов.

Похожие случаи А.Г. Шмелев справедливо трактует как «выхватывание» одного из аспектов некоего целостного конструкта-черты [13]. Например, в нейротизме субъект видит только сензитивность, и она становится у него осью самокатегоризации, поскольку позволяет сохранять самооценку при собственном высоком нейротизме (сензитивность, чувствительность как преимущество противопоставляется «толстокожести», эмоциональной «тупости» некоторых людей). Действительно, с точки зрения психолога, знающего о существовании такой интегральной черты, как нейротизм, субъект «выхватывает» отдельный его аспект. Но мы не склонны понимать это просто как искажение субъектом некоторой научной истины. Зачем интегральный фактор-конструкт «нейротизм» субъекту в данном случае вообще нужен? О его существовании многие люди не догадываются, а наш субъект, если и знал, то вытеснил, оставив для себя «сензитивность». Интегральные черты-конструкты научной психологии могут использоваться для сопоставления с ними индивидуальных способов категоризации лишь как условные точки отсчета.

Ограниченность нормативных моделей проявляется и в том, что в них заданы, как правило, биполярные конструкты-категории. Это те самые оси сознания типа «хороший–плохой», «сильный–слабый», о которых часто говорится как о чем-то само собой разумеющемся. Конечно, нельзя отрицать существенную роль противопоставлений в мышлении, в познании, но положение об *обязательной* биполярности конструктов сегодня многими психологами не поддерживается (В.В. Столин, В.Ф. Петренко). Существуют однопольные смысловые конструкты, для которых характерно отсутствие семантических оппозиций. Имеется в виду не то, что человек не может подобрать антоним к какому-то понятию, а то, что определенное содержание смысла переживается им как единственно существующее, не противопоставленное какому-то иному содержанию. Есть много оснований полагать, что на глубинных уровнях восприятия мира, соотносимых с «правополушарными» функциями, тоже нет дихотомии, там конструкты не биполярны [10; 11; 19]. Навязанная исследователем биполярность конструкта-категории может быть неадекватной реально действующим категориям субъекта. Поэтому в психосемантических исследованиях, не ориентированных на нормативные модели, все чаще используются униполярные конструкты, чтобы, не навязывая второй полюс, оставить респонденту больше свободы для выражения его собственных смыслов.

Конструкты в межличностном познании не обязательно представляют собой отдельные качества личности, а значит, не обязательно предстают как один из диаметров круговой таксономической модели личностных черт. Описание отдельных качеств подходит скорее для случаев рациональной оценки другого человека. В большинстве же случаев человек, как отмечает В.Ф. Петренко, воспринимает целостный образ другого, «заклучая, например, что в нем есть что-то от Печорина, или от Чонкина, или от Иудушки Головлева» [10, с. 350]. Если все-таки использовать понятие конструкта, то, в отличие от трактовки Келли, оно становится более широким. «Мы расширяем до понятия конструкта любой познавательный эталон, включая в понятие конструкта и этнический стереотип, и некий образ-типаж, и некое житейское обобщение, по отношению к которым респондент может выстраивать субъективные меры сходства, т.е. использовать их как униполярные шкалы» [10, с. 350]. Выводы об антонимии-синонимии, полярности тех или иных признаков можно делать лишь после выявления того, какие характеристики оказались «в режиме употребления» антонимичными для данной группы людей или для данного респондента. Это одна из причин, почему мы предпочитаем использовать не понятие «конструкт» (с ним в традиции Дж. Келли обычно связывают биполярность), а понятие «категория». Другая причина – подразумеваемая комплексность, синкретичность категории, функционирующей часто на довербальном, дорациональном уровне. Глубинные обобщенные категории стоят за множеством конкретных конструктов субъекта и выявляются многомерным анализом исходных матриц с дескрипторами.

Итак, обращение психосемантики к наиболее общим закономерностям восприятия личностных черт в рамках нормативного подхода имеет свои приоритеты и ограничения. При этом следует отметить, что возможности использования формализованных универсальных моделей и стандартизованных методов интерпретации далеко не исчерпаны [10; 13]. Вместе с тем ориентация на всеобщее и соответствующие ей количественные методы работы на больших выборках отражает лишь определенный класс задач. Есть иные задачи – описание субъектов познания на уровне особенного (группоспецифического) и даже единичного (в традиции, идущей от Дж. Келли). И здесь остается полезным не только количественный, формализованный, но и качественный, герменевтический подход к психосемантическим данным, метод понимания, а не объяснения, обращение психолога к интуитивной, не лишенной субъективизма интерпретации чужого семантического пространства в попытке вжиться в него.

Одни группировки личностных черт (способы категоризации) лучше объяснять в соотнесении с нормой общественного сознания, другие – в соотнесении со средними тенденциями в некоторой макро- или микросреде, третьи – с изменениями структур одной и той же личности во времени, в разных

психических состояниях, в разных сферах ее жизни, типах ситуаций. Второй и третий случаи соответствуют специфике сравнительного подхода в психосемантике. Ограниченность нормативных моделей обусловлена также тем, что личность может не только упрощать, искажать, но и продуктивно усложнять конструкты-категории, предусмотренные научной моделью, различать более тонкие нюансы в тех ее частях, которые для науки являются пока слабо дифференцированными, т.е. в определенном смысле опережать научный анализ. Неприложимость заданных какой-либо теорией категориальных осей к реальной познавательной деятельности субъекта будет особо заметна там, где речь идет о субъективных по своей сути феноменах экзистенциального характера (свобода, любовь, вера, воля, ответственность и т.п.).

Библиографический список

1. Брунер Дж. Психология познания. М.: Прогресс, 1977.
2. Демоз Л. Психоистория: Пер. с англ. Ростов н/Д: Феникс, 2000.
3. Джерелиевская М.А. Установки коммуникативного поведения: диагностика и прогноз в конкретных ситуациях. М.: Смысл, 2000.
4. Доценко Е.Л. Межличностное общение: семантика и механизмы. Тюмень: ТОГИРРО, 1998.
5. Лаак Я., Бругман Г. Big 5: Как измерить человеческую индивидуальность: Оценки и описания. М.: Книжный дом «Университет», 2003.
6. Личностный дифференциал: Методические рекомендации. Л.: НИИ им. В.М. Бехтерева, 1983.
7. Лузаков А.А. Личность как субъект познания: категоризация при восприятии другого человека. Краснодар: КубГУ, 2007.
8. Матвеева Л.В., Аникеева Т.Я., Мочалова Ю.В. Психология телевизионной коммуникации. М.: Учебно-методический коллектор «Психология», 2000.
9. Петренко В.Ф. Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в обыденном сознании. М.: Изд-во МГУ, 1983.
10. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. 2-е изд., доп. СПб.: Питер, 2005.
11. Улыбина Е.В. Обыденное сознание в картине мира личности: психосемантический подход: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Ставрополь, 1999.
12. Шмелев А.Г. Введение в экспериментальную психосемантику: теоретико-методологические основания и психодиагностические возможности. М.: Изд-во МГУ, 1983.
13. Шмелев А.Г. Психодиагностика личностных черт. СПб: Речь, 2002.
14. Шмелев А.Г., Похилько В.И., Козловская-Тельнова А.Ю. Практикум по экспериментальной психосемантике (тезаурус личностных черт). М.: Изд-во МГУ, 1988.
15. Endler N.S. The interface between personality and cognition // European Journal of Personality. 2000. № 14.
16. Eysenk H., Eysenk M. Personality and individual differences. N. Y.: Plenum, 1985.

17. John O.P. The «Big Five» factor taxonomy: Dimensions of personality in the natural language and questionnaires // Personality theory and research / Ed. by L. Pervin. N.Y.: Guilford Press, 1990.
18. Kelly G.A. The Psychology of Personal Constructs. N.Y.: Norton, 1955.
19. Macrae C.N., Bodenhausen G.V. Social cognition: thinking categorically about other // Annual Review of Psychology. 2000.
20. Osgood Ch., Susi C.J., Tannenbaum P.H. The measurement of meaning. Urbana: Univ. of Illinois press, 1957.
21. Tagiuri R. Person perception // The Handbook of Social Psychology / ed. G. Lindzey, E. Aronson. Addison-Wesley, 1969. Vol. 3.